

Вырезка из газеты
СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

от 1-8 ИЮН. 40 Газета №

Москва

Горьковская конференция

Однодневная конференция, посвященная драматургии А. М. Горького, началась докладом М. С. Григорьева о пьесе «Чудаки».

Это произведение занимает особое место в творчестве Горького. По своей фабуле пьеса очень проста. Но мы находим здесь те же глубокие философские размышления, те же темы, которые встречаются и во многих других пьесах Горького. Это — темы мещанства, правды жизни и правды творчества, темы любви, жизни и смерти. М. С. Григорьев безусловно прав, указывая на то, что пьеса «Чудаки» не выпадает из контекста творчества Горького, что она однородна с другими его пьесами по внутренней композиции и методу раскрытия характеров. Для того чтобы раскрыть характер, Горький прибегает к своеобразной «лакусовой бумажке». Он как бы заставляет своего героя ответить на вопросы: как он понимает правду жизни, правду творчества.

Замечательной чертой горьковского реализма является органическое сочетание в его творчестве конкретной жизни с «вечными темами». Горький пользуется методом дискуссии, чтобы раскрыть в пьесе характеры и идейную сущность своих героев, определяемую той позицией, которую они занимают в споре.

По мнению докладчика, то или иное отношение к проблеме «правды жизни» у персонажей горьковской драматургии неразрывно связано с их отношением к искусству. Так, Татьяна из «Мещан», боящаяся что-нибудь изменить в привычной жизни, недоброжелательно относится и к романтизму в искусстве.

В пьесе «Чудаки» Горькому тем легче объединить споры о правде со спорами об искусстве, что центральный образ пьесы Мастаков — писатель. Образ этот, очень сложный и многогранный, явился центром оживленной дискуссии, разгоревшейся на конференции. М. С. Григорьев в своем докладе определяет Мастакова, как жизнелюба, человека с огромной жадной жизни, как положительного героя. В отличие от писателя Шалимова из «Дачников», растерявшего свои идеалы и порывы, охладившего, любящего жизнь в ее сытости и спокойствии, Мастаков любит жизнь настоящей, полноценной любовью. Он любит жизнь и в то же время видит в ней страшное, но не склоняется перед злом. Ему видны в жизни беготни прекрасного.

Подлинность оптимизма человека проверяется и его отношением к смерти. Мастакову не все равно, как умирать: пусть всем людям суждено умереть, но это не должно мешать тому, чтобы человек умирал мужественно и с достоинством.

Вукол и Николай Потехины противопоставляются Мастакову прежде всего в вопросах отношения к творчеству. Своим равнодушным отношением к людям старший Потехин скрывает за балагурством, за стремлением сместить людей. С желчной иронией, как бы мстя за свои прошлые увлечения, говорит он о книге, в которой писатель рассказывает утешительные сказки про Русь. Вукол Потехин на всякую мечту о будущем готов ответить: «ничего не выйдет». Равнодушный к

стране и людям, он не видит того, что можно было бы любовно растить, он клеветает на русский народ. Он ищет везде противоречий, но они ничего не раскрывают и не помогают познать жизнь.

Младший Потехин подставит своему отцу. Но если Вукол равнодушно гасит порывы искусства, то сын его со злостью говорит Мастакову о литераторах, как обманщиках: «Вы не хлеб насущный даете нам, а сладкие пряники...»

Как относятся персонажи «Чудаков» к проблеме любви? — Характер человека, — говорит М. С. Григорьев, — раскрывается и в строе его любовных чувств. Для Мастакова идеальной любовью является материнская любовь. Недаром он такое значение придает символу матерей из «Фауста» Гете. Материнская любовь представляется Мастакову идеальной. Такой материнской любовью любит своего мужа Елена. Это любовь к его мыслям и чувствам, любовь к его творчеству.

В ином качестве предстает любовь Ольги, Потехина, Васи. Для внутренне опустошенной Ольги Мастаков мало интересен как писатель, ее интересует лишь «победа над мужчиной». Потехин, полюбив Елену, жену человека, которого он называет своим другом, стремится всячески опорочить Мастакова в ее глазах, стремится разжечь в Елене чувство зависти, злости и ревности. Василий, жених Зины, помешанный ожиданием своей смерти, ко всему подходящий с абсолютным для него критерием «все равно помереть», и в любви проявляет те же качества отвратительного эгоизма.

Так, характеризуя отношение различных представителей интеллигенции к правде жизни, Горький показывает дифференциацию и крах мелкобуржуазной интеллигенции в годы политической реакции. Глубокое содержание и яркая театральность этой пьесы Горького делают ее исключительно интересной и нужной советскому театру.

В числе неслучайно забытых драматургических произведений Горького находятся такие пьесы, как «Старик» и «Фальшивая монета», которым посвятил свой интересный доклад Б. А. Бялик. Критическая литература об этих произведениях очень мала, сценической истории у них почти нет. Совершенно исключительный интерес представляет «Фальшивая монета». Существуют самые различные подходы к сценическому истолкованию этой пьесы. Некоторые театры трактуют ее как мелодраму, другие как пьесу гротескного плана, кое-где она служит лишь поводом для создания яркого театрального зрелища. Пьесу считают непонятной, порой отказываясь от анализа и оценки действий ее персонажей. Все в «Фальшивой монете» кажется смутным, аллегоричным, недосказанным.

Б. А. Бялик ассоциирует «Фальшивую монету» с пьесой «На дне». Обе пьесы философичны, и в той и в другой есть роль утешителя: в пьесе «На дне» — Лука, в «Фальшивой монете» — Лузгин. В этой пьесе Горький также показывает «дно» жизни, маленький замкнутый мирок, из которого трудно выбраться. Все здесь жи-

вут сложной жизнью, все дышат затхлым воздухом, и поэтому даже те, в ком есть проблески светлого и человеческого, надевают маски. Сходство «Фальшивой монеты» с пьесой «На дне» становится еще более близким благодаря интересной философской дискуссии, которая ведется здесь от акта к акту, дискуссии, ради которой, собственно, и введены Горьким первые и самые интересные персонажи пьесы — Стогов и Лузгин. И все же мир «Фальшивой монеты» — мир мещанства, а не босаячества. От идей, лежащих в основе пьесы «На дне», герои пьесы здесь как бы иронически отталкиваются для того, чтобы утвердить идеи другие, диаметрально противоположные. Проблемы человека и правды в этом мире возникают совсем в иных ассоциациях и уступают место проблеме греха и расплаты.

При внимательном рассмотрении исчерпывает и аналогия Луки и Лузгина. Лука нес каждому человеку свое, особенное утешение. Лузгин приходит с одним словом «золото» и этим утешает всех. Жадность, страсть к обогащению — самый сильный инстинкт людей, населяющих мир «Фальшивой монеты». Поэтому и по-является Стогов, человек, который может играть на этом инстинкте. Стогов своеобразно дополняет образ Лузгина.

«Человек должен иметь хозяина», — говорит Стогов, и в этих словах раскрывает свою сущность. Он хочет быть этим «хозяином», он властен, он любит подчинять себе. Жизнь коротка — думать не стоит, — таков лейтмотив поведения Стогова. По собственному его утверждению, его не любили, к нему плохо относились, вот и он плохо относится к людям, Стогов приходит совершенно опустошенным, но даже и таким он противостоит отвратительным фигурам Яковлевых и Бобовых.

В пьесе «Фальшивая монета» все образы развиваются не в бытовом, а в социально-философском плане. Вот почему, подробно проанализировав образ Лузгина, Б. А. Бялик приходит к выводу, что в этом сложном и как будто непонятном образе заложена Горьким идея распада разума, распада человеческого характера.

«Фальшивая монета» и «Старик» представляют для наших театров очень большой интерес. По мнению докладчика, в театрах сейчас, к сожалению, утерян вкус к драматургии философских обобщений, театры находятся в плену у бытовой пьесы. Но разве не может актер важиться и философским содержанием образа? Интересны эти пьесы и в смысле постановочном: смена двух планов, реалистического и символического, открывает широкие возможности для разнообразия характеристик и создания ярких, подлинно театральных спектаклей.

★

Вторая часть однодневной конференции, организованной Всероссийским театральным обществом, была посвящена горьковским спектаклям, прошедшим в Москве и Ленинграде в сезоне 1939—40 года.

Рабирая московские постановки — «На дне» в Московском драматическом театре и «Зыковы» в театре Ленинского комсомола, М. С. Гус отвечает на вопросы: насколько эти спектакли приблизили нас к пониманию драматургии Горького, как участвовали они в общей жизни советского театра в истекшем сезоне, как были связаны эти спектакли с процессами восстановления театральности и тяги к романтическому театру.

Известно, что тридцать лет спустя по написанию пьесы «На дне» Горький развенчал в своей статье Луку и самую идею, заложенную в его образе. Лука в постановке Московского драматического театра скорее взят из этой статьи Горького, чем из самой пьесы. Тов. Гус характеризует постановку «Зыковых», как «спектакль темперамента ума», в котором больше размышлений о жизни, чем самой жизни.

В докладе о ленинградских спектаклях «Дачники» и «Варвары» Л. А. Малюгин сделал подробный, обстоятельный разбор актерского исполнения.

Оживленные прения, развернувшиеся по докладом (в них приняли участие гг. Бирман, Березарк, Алперс, Нейман, Левидов и Юзовский), различные точки зрения, столкнувшиеся на этом обсуждении, свидетельствуют о значительном интересе, который представляют для советского театра малоизвестные пьесы Горького. В этом смысле однодневная конференция, проведенная Всероссийским театральным обществом, является интересным событием в жизни советского искусства.

Я. ЧЕРНОВ